

Калягин А.А. 09.7.02

Девять с половиной ликов нашей тети

Мифы и легенды. Краткое содержание

Дарья Коробова

Вступление

Что важнее: флажки на карте, или расстояние между ними, или целый маршрут? Флажки расставлять – это, знаете ли, самое легкое дело. Заниматься этим можно либо от скуки, либо для облегчения задачи тем, кто любопытен: вот биография одного актера. Вот он говорит. Вот он строит театр. Вот он живет целую жизнь. А вот то, что о нем известно.

Лицедей

Вот Александр Александрович Калягин. Большой человек, известный. Универсальный лицедей и очень, очень серьезный деятель. Вообще говоря, в его биографии главными словами можно считать «универсальный» и «театральный». Потому что, кажется, иных серьезных занятий, кроме театра (в иных случаях – кино), у него нет и быть не может. А в театре Калягин – и артист, и режиссер, и худрук, и чиновник. Короче, человек, азартно играющий, как это и положено лицедею. Вот еще что немаловажно: Калягин успешен. Этот прецедент и вовсе уникален.

Ленин

Большого вождя Александр Калягин играл во МХАТе, в спектакле «Так победим!» по пьесе Михаила Шатрова. Ставил драму Олег Ефремов. За роль Ильича артист Калягин получил Государственную премию, а позже – звание народного артиста.

По словам самого Калягина, создавая образ Владимира Ильича, он обошелся без всяких «жизненных поз» и хотел даже отказаться от портретного грима – на последнем настоял Ефремов. Артист желал «прожить» большое горе от большого ленинского ума; случай этого спектакля – едва ли не единственный в советской театральной истории, явивший миру Ленина как трагического персонажа. Как шекспировского Ричарда.

Калягин-клоун (в роли короля Убю)...

Гамлет

Тоже театральная авантюра, увь, не состоявшаяся как результат. Калягин был приглашен Анатолием Эфросом в телеспектакль по шекспировской трагедии. На центральную роль Датского принца. Если бы постановка случилась – Алексей Бартошевич теперь говорил бы о ней в своих драгоценных передачах о Шекспире. Показывал бы отрывки. Эта история теперь миф, однако в спектаклях Эфроса Калягин играл молеверовского Тартюфа, толстовского Федю Протасова.

Роза

Тетка Чарлея, донна Роза д'Альвадорес – персонаж почти что чаплинский. Наивность как драма. Авантюризм как образ жизни. Портреты Чаплина развешены по стенам театрального кабинета Калягина. Кажется, любые комментарии здесь излишни.

Платонов

Это и есть главная кинороль Александра Калягина. Чехов-

...Калягин-лирик (в роли Дон Кихота)

ский персонаж в фильме Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино». (Когда-то Калягин играл во МХАТе Тригорина, того самого беллетриста, который не искал новых форм – не путайте с Трелевым.) Прекраснодушный неудачник. Идеального актерского воплощения чеховских героев быть, конечно, не может – но работа Калягина очень на то похожа.

Худрук

Сочинил театр, с которым считаются. В «Et Cetera» – молодая труппа, любопытная репертуарная политика (предпочтение неизвестной либо заново открытой драматургии). Калягин здесь еще и режиссер – вполне тактичный, не афиширующий сногшибательных амбиций. Зато приглашает Стуруа, Морфова, Дитятковского – соответственно из Грузии, Болгарии, Питера. Молодая труппа учится на хорошем материале. В ноябре театру исполнится уже десять лет.

Король

Звать короля – Убю, он клоун и варвар. Последняя на данный момент роль Александра Калягина в «Et Cetera». Вдохновенное хулиганство и снова – чаплинское.

Председатель

Союза театральных деятелей – один срок и один год. Самый главный деятель среди театральных деятелей. Деятельный деятель. Результативный: взять хотя бы национальную премию «Золотая маска» или выставку театральных художников «Итоги сезона». Масштабные мероприятия СТД становятся все более общедоступными, открытыми для публики. На «Маску» съезжаются провинциальные театры, отобранные экспертным советом. От всего этого – хорошее ощущение процесса.

Калягин on line.

См. сайт www.kalyagin.ru. ■

Шут на троне

Александр Калягин: «Все хотят верить в обман»

Дарья Коробова

-Александр Александрович, вы трудолюбивчик?

– Думаю, в моей судьбе нет случайностей. В ней все связано с потерями, испытаниями, трудом – я не везунчик. Все, что я делал и испытывал, давалось колоссальнейшим напряжением. В основном ошибки, ошибки, ошибки... Как золото ищут: дерьма много, песка, а потом попадается какая-нибудь драгоценная граммалка. Точно так же и с театром.

Мне кажется, все, что я делаю в жизни, очень связано с биологией. Я человек достаточно несерьезный, дурашливый, одинокий. Вроде бы контактный. Но тем не менее я больше люблю одиночество. Каждый год я беседу с актерами, говорю о том, что увидел в течение года, како-

то травмировало и он спрятался в скорлупу – люди реагировали по-разному.

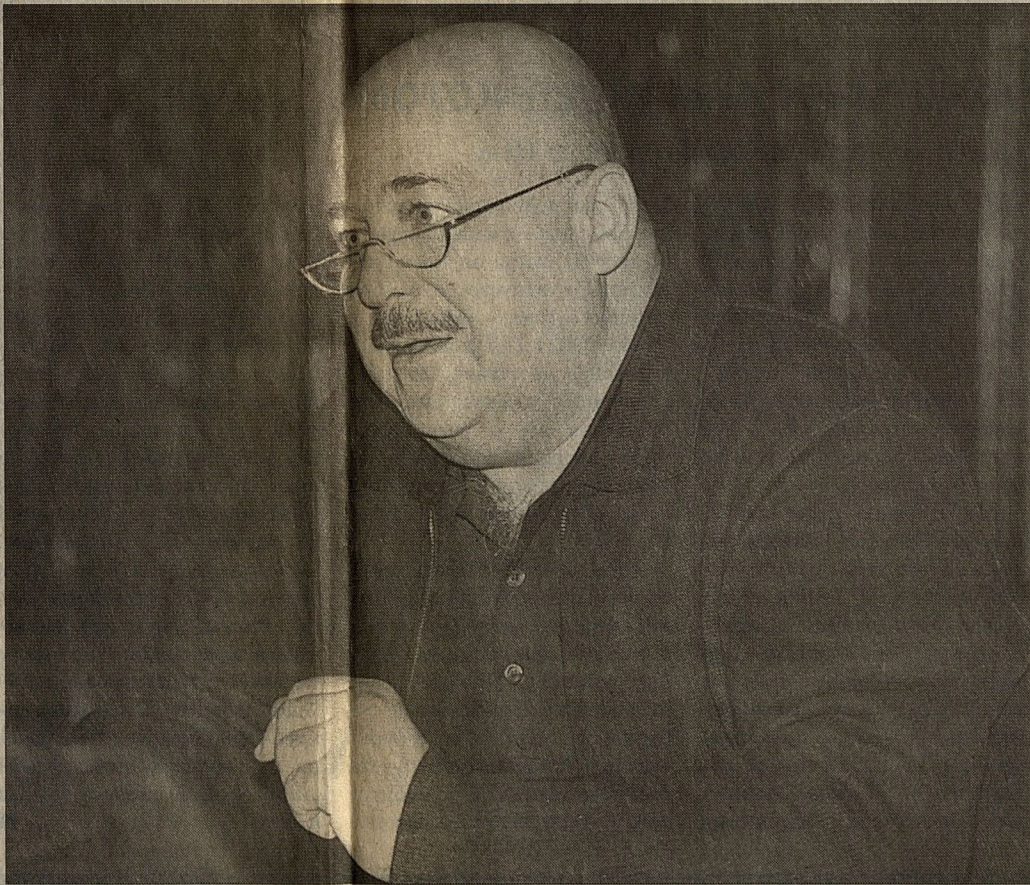
А я вообще не люблю, когда у меня плохое настроение. Некоторые в злости совершают выдающиеся, неординарные вещи, но в моей жизни все связано с любовью. Я действительно не помню зла – организм не усваивает. Думаю, и театр мой был построен именно благодаря тому, что я все же несу в себе какое-то доброе начало. Не люблю идти на репетицию, зная, что надо что-то доказывать – это самое противное дело. А тогда, во время раздела МХАТа, казалось, что ощущение любви уходит от меня. И я испугался. Паники не было, но все вокруг становилось каким-то страшновато-странным: любовь Ефремова, судьба Жени Евстигнеева, Насти Вертинской, Юры Богатырева. А в моей жизни был пик: я преподавал в Оксфорде; играл главные роли во МХАТе; снимался; во Франции

туре Игорю Бугаеву, а как раз в это время стали рождаться студии, те, кто еще не сказали «а», уже хотели крикнуть «я». Не свобода, а анархия. И я понял, что организационно и юридически утону: какие документы нужно собрать, какие бумаги подать? Мне открылась бездна нового – как мнине поле из коридоров и кабинетов. Я собрал курс и сказал, что все же, наверное, у каждого самостоятельная жизнь. Все разошлись по театрам – этим я могу гордиться.

И я впал в вялотекущее состояние, приходилось просто зарабатывать деньги концертами, чтецкими программами по Платонову, Рабле, Гоголю, начал было готовиться к Маркесу.

А во МХАТе всех нас «подорвала» неудача спектакля «Перламутровая Зинаида» по пьесе Михаила Рошина. В театре начался раздор и одновременно «спячка». А потом собрались некоторые молодые ребята из тех, кто учился в Школе-студии на моем курсе. Где-то они придумывали спектакль, и пригласили меня просто посмотреть и проконсультировать. Потом как-то незаметно, после репетиции сказали: «Нам нужно заработать деньги – можно мы поставим вашу фамилию как режиссера? Тогда уже я ответил: «Надо еще порепетировать». И также незаметно втянулся. Нас выгоняли из одного ДК, мы переходили в другой. Теперь, проезжая по Москве, некоторые уголки города я вспоминаю по тем адресам, где мы репетировали...

С тех пор прошло десять лет – осенью будем праздновать юбилей. Сейчас чувствую себя так, будто вдруг резко очнулся, оглядываясь вокруг: как это у меня получилось? Как это – здесь ставят Роберт Стуруа и Александр Морфова, работают Эдуард Кочергин и Эмил Капелюш, сейчас будет ставить «Игру снов» Григорий Дитятковский, а позже – Евгений Арф? Однако «строительство театра» – отнюдь не вдохновение, но тяжелейшая

Александр Калягин.

Неправильная дата - 9 июля - с.9

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

менее удачные, но провала – никогда. За эти годы спектакли, поразившие наш театр и меня, беспощадно сняты. К примеру, мне было приятно пригласить Михаила Мокеева и Юрия Харикова, чтобы впервые в Москве поставить пьесу «Принц Гомбургский». Были вложены колоссальные деньги. Спектакль был снят – не получилось, я ошибся. Другой пример: хороший режиссер Владимир Богатырев поставил плохой спектакль «Старый друг лучше новых двух» – не нашел жанра и современного звучания пьесы Островского. Тоже сняли.

Я ставлю себе самые суровые оценки – так учили мои великие педагоги-режиссеры, всей своей жизнью подавая именно этот пример. Говорю открыто и ясно: здесь мне ни Ямпольская, ни Филлипов не руководство к дейст-

вию. Я имею в виду самых отъявленных непрофессионалов в своем деле и говорю это со спокойной совестью. – Вас не раздражает, что о вашей последней премьере, спектакле «Король Убю», часто писали: во-первых, редкое зрелище – председатель СТД в клоунских штанах ругается матом; во вторых, на сцене есть только Калягин и никого больше? – Мне кажется, наоборот, все отмечают нашу труппу. Если вас интересуют актеры – нужно ходить в театр. Раскручиваться или нет – поверьте, это решать самим актерам. Это лежит в области моральных, нравственных категорий. Может ли один из председателей фонда Олег Табаков давать премию Станиславского своим артистам – для меня это большой вопрос. Может ли Ка-

лягин снять с конкурса «Золотой маски» спектакль своего театра «Шейлок», потому что играет там главную роль и является председателем Союза и учредителем премии – это вопрос нравственный.

– Табаков говорит, что очень заботится о благополучии своих актеров.

– Пожалуйста! Я тоже сильно думаю об этом, тоже даю деньги на квартиры, но – от театра. Поверьте, у нас есть кого награждать в том же «Шейлоке». Но я предпочитаю, чтобы артисты прошли тяжкий путь становления – через познание себя, через потный актерский труд, хотя и везение не возбраняется. Я счастлив, что наш актер Володя Скворцов получил премию Станиславского за роль в спектакле «Облом off», а сама постановка – приз фестиваля «Новая Драма». Конечно, дело не в премии, а в признании. Разве это не раскрутка?

Я предлагаю актерам свой путь. Как в семье: папе все давалось тяжело и дети его – трудяги. Хуже от этого не будет. Спектакль «Король Убю» не был бы сыгран, если бы была плохая команда. Вы не представляете, какой путь мы прошли: когда на репетициях молодые актеры уже не замечали, что я худрук, когда мы дурачились и общались почти как сверстники.

– Почему СТД исчез из соучредителей фестиваля «Новая Драма»?

– Это я так распорядился. Дело в том, что руководство СТД оказалось поставленным в известность о фестивале позже, чем следовало, и в этом была некоторая неискровость. Эдуард Бояков все сделал, он молодец, но в чем тогда предполагалась наша поддержка – финансовая, моральная? Теперь все уже улажено.

– Обидно: за последний сезон СТД фигурировал почти во всех больших событиях.

– СТД действительно сейчас во многом участвует, и только слепой не может замечать, что

Союз – не организация пенсионеров, занятых «социалкой». Я доволен работой СТД, и многие видят, что становится лучше. Вообще, говоря о театральном сезоне, следует иметь в виду сезон всей России, а не только Москвы. В этом году картина русского театрального искусства очень разнообразна. В провинциальных театрах тоже научились жить, ставить современные спектакли. Я вижу, как из Центра в Россию все больше проникает современный стиль.

Но я бы хотел, чтобы мы не забывали главного: прекрасной идеи реалистического, психологического театра. Эту нишу никто никогда не займет. Весь мир говорит на наших языках – Вахтангова, Мейерхольда, Таирова, – но никто не говорит реалистически, психологически, метафорически и символически одновременно. Мы все умеем, но эта органическая полифония – наша. Именно поэтому в моей биографии недавно появилось еще одно изумительное театральное впечатление – спектакль Льва Додина «Московский хор».

Я очень удивился, когда Дина Годер написала, как она возмущена – почему в конкурс «Золотой маски» не включили спектакль Андрея Жолдака «Чайка». Хотите восхищаться Жолдаком – восхищайтесь, но не навязывайте, не говорите, что это лучше! Единственное мое замечание к себе, к нашим актерам: многие потеряли сейчас ощущение художественности. Хорошие артисты становятся хорошими ремесленниками. Психологический театр – та вакцина, которая спасет практически всех нас. В каких бы направлениях ни развивалось искусство, оно все равно будет тяготеть к простому, ясному, пронзительному, узнаваемому, сердечному, умному языку. Так устроен человек. Я всегда говорю своим актерам: в зале все наивны, будь зритель хоть Бахтинным, хоть сантехником. Все хотят истово верить в великий обман театра. ■